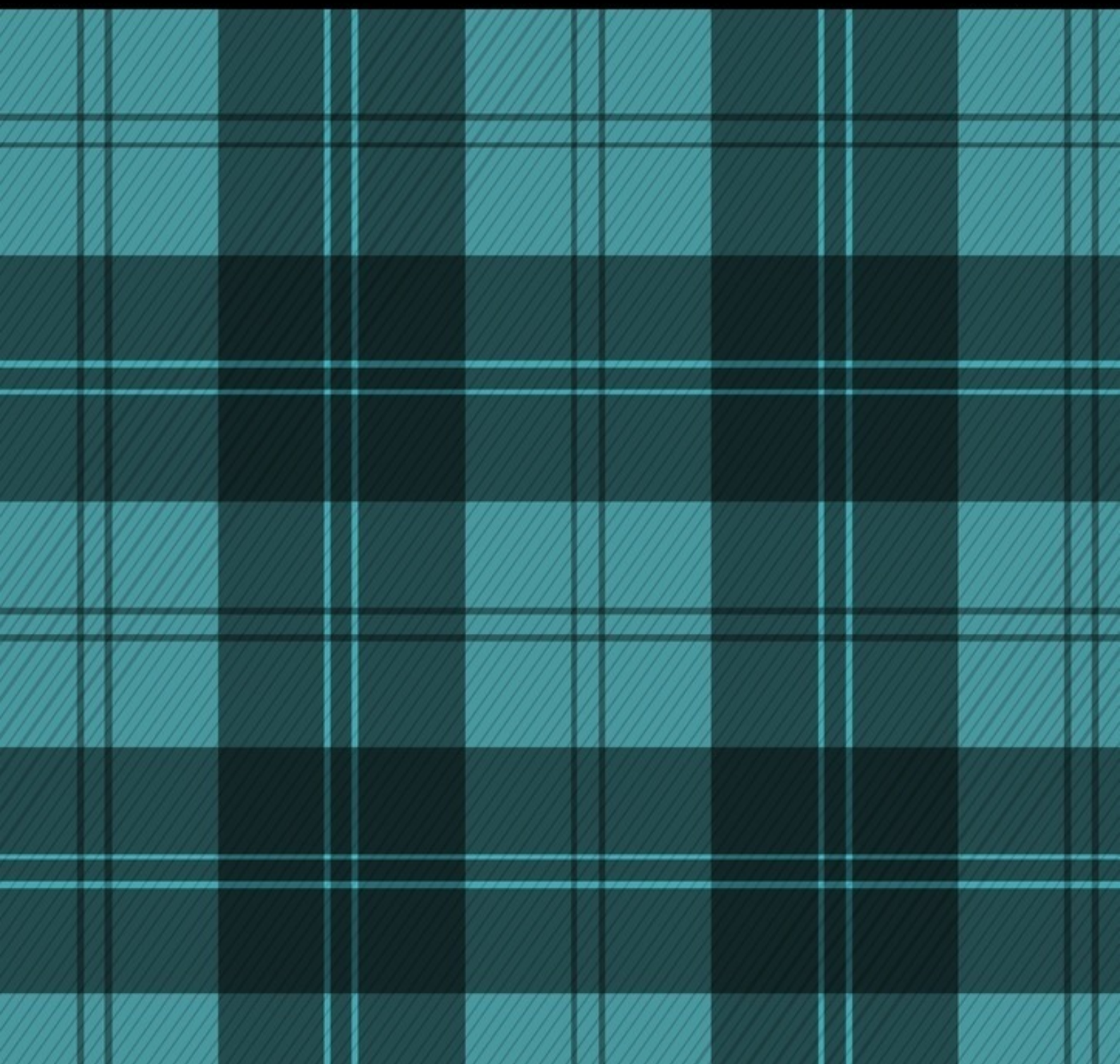

Вероника Жданова
Время прощает нам всё...

Вероника Жданова

Время прощает нам всё...

«Издательские решения»

Жданова В.

Время прощает нам всё... / В. Жданова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930354-7

Моим мальчишкам. Небольшой сборник эссе, посвященный близким и не очень людям, так или иначе оставившим след в моей памяти.

ISBN 978-5-44-930354-7

© Жданова В.
© Издательские решения

Содержание

А ты послушай...	6
– Я научилась молчать... —	7
Балкон...	8
Буква...	9
Время прощает нам все...	12
Груша Вера...	14
День поминаения усопших...	16
День рождения...	17
Душа моя...	19
Дядя Женя – паук	20
Завтрак на траве...	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Время прощает нам всё...

Вероника Жданова

© Вероника Жданова, 2018

ISBN 978-5-4493-0354-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А ты послушай...

В новой квартире, которую дали Деду после сноса нашего легендарного особняка Бабе было тесно. Вернее, она с удовольствием стала обживать новую квартиру, приговаривая, что уборки сейчас станут в разы меньше, но никак не могла там обойтись без своего «кабинета». В старом доме ее «кабинет» был вполне вместительным – с зимним садом, гладильной доской, огромным гардеробом, швейной машинкой и т. д. Там писались все ее знаменитые письма на многих листах и тетради рецептов в «приданое» всем нам. И вот место нашлось – кухня. После того, как все отобедали, и больше не предвиделось никакой готовки до следующего дня, она усаживается за стол, кладет перед собой руки и, постукивая ухоженными ногтями по столешнице, начинает разговор. Я не люблю такие моменты и стараюсь ускользнуть из кухни. Но вслед несется: «Поди сюда! Хочу что-то сказать!» Если свободное время выдалось у нее вечером, то неважно, что я сплю на ходу, уже в душе, в ночнушке, в постели. Если раздастся «Поди сюда!», нужно завернуться в теплый халат и сесть напротив, это надолго. Зевать нельзя – это неприлично, пожевать чего-то тоже – это вредно на ночь, выпить кофе – транжирство, в общем надо слушать. И Баба в мыслях уносится на десятилетия назад и переживает заново волнующие ее моменты. А ты вроде бы как в свидетелях- елозишь на стуле напротив и периодически взываешь: «Баб, ну я это уже сто раз слышала!!!» Нехотя, спускается она из облаков воспоминаний на нашу кухню, и невозмутимо постукивая пальцами по столу, изрекает: «Ничего с тобой не случится. Я тебя старше в два раза. Послушай еще раз!» И продолжает рассказ ровно с того места, на котором ее прервали... «Баб, ну я уже все знаю! Уж нет никого в живых! Сколько можно!» – «А ты послушай!» И так продолжается до полуночи. В последнее время я стала замечать, что рассказываю некоторые вещи по два раза своим близким и испугалась, что стану такой же, как наша Баба. И даже не то, чтобы нудной, а просто смешной. Теперь я пишу эти заметки и точно знаю, что никому не буду надоедать своими воспоминаниями, ведь чтение блогов дело сугубо добровольное.

– Я научилась молчать... —

- И? – Он вкусно затягивается сигаретой, смотрит поверх моей головы, ждет ответа.
- Лето безрадостных каких-то встреч. Нет, формальности соблюдены, подарочки, обнимашечки, совместные фото. Но...
- Ты так и не научилась делать селфи? – мы не видимся годами, но мысленно, видимо говорим постоянно.
- Ты думаешь это старость? —
- А ты надеешься, что мудрость? -сигарета ему не идет. Как-то все отдельно. Сигарета сама по себе, тонкий ухоженный вид сам по себе.
- Но я научилась молчать. Я больше говорю про себя, внутри, на бумаге, но не вслух...
- Тебе просто скучно. Освежи свой знаменитый пофигизм. Нырни в дождь.
- Зачем тебе сигареты? – Он вертит в руках элегантную пачку. Она совершенно не вяжется с ним. Меня она почему-то и раздражает, и удивляет одновременно.
- Закуришь? – теперь в руках еще и дешевая зажигалка.
- Я??? – он быстро делает «щелк», и я вижу свое обескураженное лицо с вытянутой, как у верблюда губой. И еще пару морщин. И некрасивое лицо. И потухшие глаза.
- Извини, я хотел сказать, замолчишь? – его руки пусты. И его, такое красивое несколько мгновений назад лицо, тоже становится потухшим и усталым. Он встряхивает просохшие после дождя крылья, складывает свой допотопный зонт, выкладывает на столик деньги.
- Ты мне не помог!!! —
- Правда? Ты так думаешь? – он аккуратно переламывает зонт, на выходе задевает крылом обалдевшего официанта, старомодно раскланивается, извиняясь, и исчезает за запотевшим от ливня стеклом.

Балкон...

Отчим выпивал и соседка по балкону по кличке «Наф-наф» не упускала случая поддеть маму этим, на ее взгляд, вопиющим фактом. А мама обожала наш балкон, похожий на маленькую террасу. Там всегда росли цветы, которые пахли по ночам, зелень, которой не было на тогдашних базарах, и каждое лето вывешивалась небольшая «маркиза», предмет зависти нашей соседки. На соседнем балконе не было ничего кроме унылых веревок с выцветшими пластмассовыми прищепками. Для мамы балкон был маленькой Европой, кусочком ностальгии по прошлой жизни. Там ею проводились долгие вечера ожиданий – отчима из дальних походов или очередных попок, нас, детей, из институтов, кино, ресторанов и дальних стран. И все мы, возвращаясь поздно, от автобусной остановки чувствовали ее взгляд из темноты, слышали ее голос, зовущий нас домой, казалось вместе с голосом доносится запах ночных цветов и домашнего тепла. И вот наступил Первомай, мама на балконе, в окружении примул и нарциссов, поджидает нас домой с демонстрации. Удивительно теплый выдался в тот год Первомай. Соседи тоже «распаковали» свой балкон. «Наф-наф» в новом бархатном халате появилась на балконе под звуки браваурного марша «освежить знакомство» с мамой. Она была музыкантшей, вернее «тапером», и все лето из окон их квартиры неслись звуки классической музыки. В руке она держала рюмочку ликера, и была настроена благодушно, поджидая мужа с демонстрации. Взгляды обеих женщин были прикованы к дороге. Движение редких автобусов было все еще перекрыто и люди возвращались домой пешком. С букетами бумажных цветов и шарами, возбужденно-радостные, они, казалось, продолжали демонстрацию, только в обратном направлении. Не было только транспарантов и портретов. Почти все были «подшофэ». «Фи!» – брезгливо оттопырив мизинчик, удерживая рюмку двумя жирненькими пальцами, морщилась Наф-наф. «Ну что за удовольствие вот так, на ходу, из горла пить на демонстрации? Вот я, например, накрыла стол, и мы с Петей сядем за белую скатерть... Мой Петя никогда не напивается до «положения риз», как некоторые! Все интеллигентно, все в меру! Мы люди культурные!» Она многозначительно покосилась на маму. Пьяные выходки отчима были известны всем соседям. Ничего не ответив, мама снова перевела взгляд на дорогу. Поток людей, спускающихся по дороге с сопки, значительно поредел, а через полчаса иссяк окончательно. Собравшись уходить с балкона, соседка кинула последний взгляд на дорогу. «Ой!» – хихикнула она, указывая рюмкой на горизонт. На самом верху дороги, там, где она сливалась с небом, появилось огромное бело-розовое пятно. Затем оно превратилось в облако бумажных цветов. Потом стало видно заплетающиеся ноги пьяного человека, несущего это великолепие из гофрированной бумаги. По мере приближения вырисовывались детали. Самого человека не было видно за обилием диковинных цветов, но тонкие подгибающиеся и спотыкающиеся ножки, выписывающие круги и приседающие на спуске жили отдельной жизнью. «Хииииии!» – давилась от смеха Наф-наф. «И придет же кому-то домой такой подарок! Тааакой букет! Это ж надо! Целое дерево украсили цветами, как ветку! Хииииии!» А тем временем бело-розовое облако спустилось вниз, миновало автобусную остановку, поднялось на пригорок и стало приближаться к нашему дому. «Брюки! Новые брюки!» – вдруг завопила Наф-наф и мы, ничего не понимая, перегнулись через перила разглядывая брюки «облака». Горчичного цвета «кримпленовые» брюки были заляпаны бордовыми разводами, вероятно от «Гымзы». Из цветов странным контрастом высвечивала знакомая лысина соседа. «Петя!!!!Как ты мог! Ты же интеллигент! С образованием!» – ахнула соседка и уронила рюмку. «Да пошла ты...!!!» – заорал в ответ пьяный Петя, пытаясь бросить в нее первомайским деревом. «Как ты мне..... со своей музыкой и жирной жопой!» Звуки браваурных маршей по прежнему неслись из соседской квартиры теперь уж вперемешку с бурным скандалом. Отчим домой в этот день не вернулся, сразу после праздника их лодку отправили в поход. А сосед с тех пор стал выпивать.

Буква...

Беременность давалась Елене тяжело. Июнь выдался жарким, с частыми грозами. Душными ночами она не могла уснуть, поджидая мужа с дежурств. Мучаясь ревностью, она представляла себе смешливую медсестру Лилию, которая даже в белом халатике умудрялась выглядеть изысканно. Вот и сейчас, сидя перед распахнутым в сад окном, она слушала раннего соловья и куксилась. Слезы капали на огромный живот, ломило спину, ныли отекавшие ноги. И вообще она была страшно одинока и несчастна. Тихонько всхлипнув, она пошарила босой ногой в поисках тапка, не найдя, с трудом встала и проковыляла босиком по комнате. Ходики мерно отстукивали, двигая стрелки к четырем. Семен задерживался. Елена последние недели не работала, и муж забрал ее пациентов и часы приема, чтобы не терять место на время родов и первых месяцев после них. Медсестра вызвалась помогать. Сегодня они оба выехали на вызов к пограничной заставе. Перед глазами снова всплыло лицо Лилии с тонкими бровями, как у Орловой. Красивая. Елена сделала круг по комнате, потирая поясницу. Вдалеке громыхнул гром. Еще раз. Еще. Соловей примолк. Вдруг завывли собаки. Гром рокотал как-то ритмично, то приближаясь, то удаляясь. Заныли в небе самолеты. Тревога. Учебные вылеты с нашей, и, провокационные, с той стороны, не давали спать никому уже с месяц. Грянул взрыв. Дрогнули стены. Это определенно была не гроза. Учения. Накинув шаль, она выглянула в окно. У соседей зажглось и погасло окошко. Сад примолк. Хлопнула дверь на хозяйской половине. И снова все стихло. Щелкнул соловей, пытаясь продолжить петь. Послышались быстрые шаги, распахнулась дверь, и пропахший больницей Семен шагнул в комнату. « Это война!» – выдохнул он. « Надо уходить! Сейчас!» Она растерянно отпрянула и вдруг села на постель. Хозяйские двери вдруг захлопали, что-то звонко ударило в пол. Какой-то лязгающий гул вдруг заполнил округу. « Ну, давай же, давай! Лилька отдала лошадь! Они уже на заставе!» Гул нарастал. Посыпались щелчки выстрелов, как будто кто-то налил холодной воды на плитку. « Не успеем!» – почему то прошептал он и, рванув занавеску, выскочил в окно. Сотни, тысячи мгновений пролетели над ней, но она так и стояла, не говоря ни слова, некрасиво скосолапив ноги, сжимая худенькими пальцами шаль на большом животе. Семен, белея манжетами в предрассветной серости, протягивал к ней руки, помогая перебраться через низкий подоконник. А по улице шли танки, сминая заборы и палисадники, снося углы домов на поворотах. « Сём, а я тапки забыла!» -прошептала она. « Шшшш... я сейчас...» – почему-то тоже прошептал он в лязгающем грохоте. Заросли запущенного сада надежно скрывали их, но почему-то казалось, что стук сердца слышен на всю округу. Чуть пригнувшись, он пробрался к старой черешне. В распахнутом окне, как от сквозняка вспузырилась занавеска. Какая-то тень с воплем метнулась от дома к сараю, вдруг вздыбилась и рухнула стена, накренилась крыша. Хрустя стеклами и урча, танк прошел дом насквозь. « Молчи!» – метнулся Семен к застывшей жене с разинутым в немом крике ртом. Он придавил ее к земле, закрывая лицо ладонью. Мир сузился до крохотного клочка земли перед глазами. Страх накрыл теперь обоих, как липкий туман. Безжалостно светало. У разрушенного дома кто-то лежал, вдавленный танком в ухоженную клумбу. Болталось белье на оборванной веревке. Вдалеке слышались выстрелы. « Уходим!» – торопил муж, но страшное безразличие вдруг охватило ее. Все казалось затянувшимся кошмаром, и нужно было просто проснуться. Всего этого просто не могло быть наяву. Живот вдруг дернулся. Младенец повернулся, уперся и замолотил чем-то там мягко-мягко, как бы призывая подняться. За садом на бурачном поле никого не было, но она бежала, задыхаясь и ей все казалось, что опушка леса никогда не приблизится. Пройдя просеку, натолкнулись на таких же беженцев с соседней деревни. « Ах, бедная ты, бедная!» – сочувственно сказала старуха, глядя на кудрявую головку Елены. Семён вспыхнул было, но промолчал. Надо было беречь силы. « Домой! Скорее домой!» – думала Елена, теребя бахрому шали. До дома были еще десятки километров.

Шли долго. Выпрашивали вареную картошку на хуторах. Ночевали в лесу. В деревнях везде стояли немцы. Дороги были пустынные. Кто хотел убежать – уже давно убежали. Медленно шли только они. И молчали, каждый думая о своем. Тонкая сорочка изорвалась. Живот прикрывала старая юбка, подобранная в одном из брошенных домов. На плечах все та же шаль. Обуви не было. Елена шла босиком, не обращая внимания на израненные ступни. Она вдруг погрузилась в необыкновенное спокойствие, недоступная в своем внутреннем ожидании для внешнего мира. Даже Семен, казалось, существовал для нее теперь в другой плоскости. Она несла бремя будущей жизни, сосредоточившись на ее сохранности. Дорога к дому все не кончалась. Шли мимо разоренных хуторов и оглохших от горя деревень. Собирая на полянке спелую землянику, она вдруг увидела вырванную с мясом пуговицу, а чуть дальше растерзанный труп, и, не подходя ближе, стараясь не смотреть в ту сторону, продолжала тщательно обирать ягоды, единственную их пищу за последние два дня. Ночью не спалось. Держась за руки, прислонившись к стволу дерева, они молчали. « Как назовем?» – подала она впервые за несколько дней голос. « Лилия... Это она дала мне уйти...» – скупой ответил Семен. « А я-то, дура, всё ревновала!» – вдруг всхлипнула Елена. « Ну, точно, дура!» – ответил он, целую ее в теплую макушку. К своему городу они вышли на рассвете, и весь день пролежали в зарослях алычи на берегу реки, наблюдая за такими близкими родными окнами. В сумерках появились на пороге. Семья их уже оплакала и все в каком-то оцепенении разглядывали друг друга. За такое короткое время люди разучились много говорить. Наскоро переодевшись, Семен засобирился в путь. « Много тебе будет заботы! Береги себя!» – сказал он на пороге. Елена молча кивнула и прильнула к плечу. « Пора!» – мягко отстранил он ее и отступил в темноту. Девочка родилась 22 июля. Свидетельство о рождении выправили после войны. Глуховатая после контузии заведующая ЗАГС записала ее Лидией. « Нет, ну подумаешь, одна буква!» – сказала она расстроенному Семену. « Называйте дома —как хотите, а документ портить не дам!»

Бусы.

В « Титанике» я смотрю всегда только один момент, остальное мне не нравится. Тот, что в конце, когда оживает затонувший пароход, разрушенные водой и временем оживают коридоры и лестница и все наполняется живыми и радостными лицами. Этот момент узнавания и мимолетного облегчения. Все рядом, все счастливы.

Сияет огнями наш зал в сером мартовском дне. Приезжают все новые гости. Для меня пригласили детей. Мне дарят мои первые часы и первую нитку жемчуга. Не совсем то, о чем мечталось, ну ладно. Эти взрослые сначала дарят ерунду, а потом называют неблагодарной. Я улыбаюсь на всякий случай, благодарю, примериваю, снова улыбаюсь. « Это твой юбилей! Подумать только, ты шагнула во второе десятилетие!» – говорит моя крестная, и я верю, что 10 лет это какой-то супер праздник. И еще меня страшит слово «десятилетие».

Родители в Германии, но я не ощущаю их отсутствия. У Бабы я окружена таким комфортом, что мне совсем не хочется домой, к строгим правилам и обязанностям, к вечно ноющей сестре, урокам музыки и балета. Сережка сидит, насупившись, в стороне. Челка приглажена сахарной водичкой, под воротником топорщится галстук. « Ты такая противная в этом платье! Как майский жук!» – выдавливает он, наконец, и наотрез отказывается вручать мне подарок под прицелом фотообъектива. Затея Деда с памятными фотографиями события проваливается с треском. Мы оба не любим фотографироваться. Приходят девочки-одноклассницы. У них слегка ошарашенный вид от всего нашего сборища. И гости всё пребывают. Для нас, детей, накрывают отдельный стол. « Ой! Мы забыли еще один сюрприз!» – говорит моя любимая тетка Лиля, Сережкина мать и приносит огромную коробку с крошечными пирожными. В несколько слоев уложены кукольного размера заварные и корзиночки, безе и «празжские», «наполеончики» и фруктовые. На бисквитиках выведены кремом ландыши и розочки,

как на настоящих торгах. Сережка фыркнул и выскочил из комнаты. « Ты что! Сережка! Пойдем за стол!» – уговаривала его я, стоя посреди кухни. Он молча вырвался, схватил литровую эмалированную кружку с водой и жадно стал пить. « С ума сошел! Вода ледяная!» – закричала Марийка, пытаясь отобрать кружку. Он вывернулся и вдруг стал поливать меня водой:

«Вот тебе! Вот! Дура с бусами!» Мои подкрученные кончики волос, «совсем как у Мирей Матье» повисли жалкими сосульками, а через платье по животу растекалась противная холодная лужа.

Вокруг нас собрались гости. Повисла тишина.

И я вдруг заплакала, уткнувшись лбом в живот Бабе. Сережка получил увесистый подзатыльник от отца и отправился в угол. Дети за столом притихли. Гости наперебой старались сгладить ситуацию. Запахло жареным, и Баба кинулась к плите спасать то ли пирог, то ли мясо. Позвонили в дверь. Зазвонил телефон. Разлили лимонад. Все заспешили, заговорили, зазвенели приборами. Праздник вошел в привычное русло. « Извини!» – сказал Сережка из своего угла. « Я думал, ты не будешь со мной дружить, раз у тебя эти... бусы!» Он тоже плакал. За стол он больше не сел и я ему принесла крышку от коробки полную разных пирожных. Девочки играли моими куклами, пили сидро, рассматривали подарки. Взрослые танцевали и рассказывали анекдоты. Мы с Сережкой сидели в углу и ели пирожные, запивая водой из большой эмалированной кружки. « Давай никогда не отмечать эти дурацкие юбилеи!» – сказал он. Я согласно кивнула и с тех пор больше никогда не ношу бусы.

Время прощает нам все...

Потому что мы у него в плену и долгу, потому что, заглядывая в наши еще юные и бесстрашные глаза с равнодушием вечности, время прощает нам все. Заранее. Но оно не так великодушно, чтобы еще и сохранить в памяти все до последней ноты, и слова, и запаха, и звука.

Мы бредем с отцом весенней ночью по парковой аллее и смеемся, о чем-то говорим. Это наш первый и последний ночной разговор. Я – в предвкушении новой жизни, он в расцвете своей зрелости. Фонари освещают толстые почки на ветках. В смещении света и тьмы, в искорках предутреннего тумана огромные почки с треском лопаются и терпко пахнут. Их запах смешивается с запахом отцовского одеколona, чувствуется сквозь рукав тепло крепкого плеча, гулко разносится шум наших шагов. Время сожрало все остальное — детали, слова, подробности... Но не смогло забрать редкое ощущение родства и единства. «Мы с тобой одной крови, ты и я...» «Потом уже таких чувств не возникало. Мы были слишком разными людьми. Жизнь сталкивала нас все реже и реже, и вскоре разлучила навсегда. Странность заключается в том, что некоторые, совсем не интересные и не нужные нам люди присутствуют в нашей жизни дольше тех, кто ближе и дороже. «А какой он был, твой отец?» – спросил вдруг мой сын вчера. – «Ты его сильно любила?» И я растерялась, потому что никогда не думала о том, любила ли я его. Я редко вспоминаю его. Любил ли он меня? Скорее он не любил меня так, как хотелось бы мне, не баловал, и не часто вообще обращал на меня внимание. Он весь, казалось, принадлежал младшей сестре. Мне доставались лишь шахматные бои, рыбалка на заре, вечерние пробежки и холодные обтирания. «Эх как бы дожить бы, до свадьбы-женитьбы...» – напевал он, колдуя над приготовлением особого чая, пропуская мимо ушей мои новости. Он не встречал меня в аэропорту. Он не подавал мне пальто. Он требовал всегда пользоваться вилокoй и ножом. Он расставался со мной, кивая головой поверх газеты, не допуская лишних слов напутствий и сантиментов. И в самые тяжелые моменты жизни пресекал поток моих жалоб и слез одной фразой: «Если права – бояться нечего, ты непобедима». Быть может, все мои высоты в жизни взяты лишь одной этой фразой, вся моя неуязвимость и непотопляемость – отражение его невозмутимости и уверенности во мне. Время простило мне молодой задор и эгоизм, равнодушие зрелости и нажитую с годами черствость. Время простило мне все злые слова и обиды... Время простило мне все, потому что уже некому сказать запоздалое «спасибо» и «люблю»...

ВЫБОР

За обеденным столом мы со смешанным чувством отвращения и восхищения ждали одного только момента. Когда тарелки для первого пустели, Баба ставила перед Дедом блюдечко с огромной вареной луковицей. Нас передергивало от невозможности действия, но мы, не отводя глаз, следили за ходом «смертельного номера». Никто из нас, внуков, не смог бы съесть даже самого маленького кусочка вареного лука в супе. Дед хитро подмигивал нам и с аппетитом съедал отвратительно склизкую луковицу. В общем стойкая и непримиримая позиция по отношению к вареному луку была сформирована по всем правилам.

Со временем, конечно, острые грани непримиримости поистерлись. Без спазмов в горле проглатывался лук в столовских обедах, студенческих жарёвках, не всегда получалось складывать горкой выбранный лук на краешек ресторанной тарелки. Но выбор, есть или не есть, всегда оставался.

«Главное, что всегда есть выбор ...должен быть выбор...в профессии, в личной жизни, в разных ситуациях...» – вещала нам заведующая кафедрой, усевшись на краешек стола, проявляя тем самым высший уровень демократичности по отношению к нам. Мы таранились на нее, поражаясь тому, какой может быть у нее выбор в ее преклонных годах. Ей было аж 37, но недостатка в кавалерах она не испытывала.

В общем, выбор в жизни у меня определенно был, хотя бы относительно вареного лука. У друзей в Манчестере мне гостилось хорошо. Но на третий день пребывания моя «супная» душа впала в уныние. Мне дико хотелось супа.

«Ты ничего не ешь!» – сказала Дженнифер.

«Ты плохо себя чувствуешь?» – осведомился Фрэнк.

«Вам хочется чего-то особенного?» – спросил Филипп.

«Она на диете!» – подвел итог Джек.

Все посмотрели на меня. «Я просто хочу супа!» – ответила я. Беспокойство на лицах сменилось изумлением.

«Да...но я могу готовить только один суп», – неуверенно проговорила Дженнифер.

«Не беспокойся, я могу приготовить сама!» – поторопилась сгладить неловкость я.

«Но ты же наша гостя! Вечером будет суп!» – заверил всех Фрэнк.

«Мы попробуем к вам присоединиться!» – ухмыльнулись парни и исчезли на весь день.

Вечером Дженнифер внесла в столовую фарфоровую супницу в незабудках. Дотошный Фрэнк рассказал в деталях и лицах, как и от кого, этот сервиз достался им в качестве свадебного подарка. А так же, упомянул все случаи, когда вообще пользовались этой супницей. Случаев было два. Один раз из нее разливали крюшон на майской вечеринке, второй раз будут разливать из нее суп в мою честь. А запах от супа шел превосходный. Мой желудок, напичканный стейками, отбивными и картофельным салатом за три дня под завязку, сжался в восторженном спазме.

Первую порцию подали мне. Окруженный каймой из незабудок по краям тарелки, передо мной парил и золотился ...луковый суп. Я окаменела. Все взгляды устремились на меня. ВЫБОРА не было. «Возможно, это не так вкусно, как выглядит», – смущенно сказала Дженнифер. А Фрэнк тут же рассказал обо всех случаях, когда готовился этот суп. Три раза – болезнь соседки, визит священника и моя прихоть. Держа фонетический оскал (да здравствуют, заведующая кафедрой и наработанный годами профессионализм) я быстро проглотила несколько ложек, стараясь не касаться языком содержимого. «Как же ты проголодалась!» – сочувственно сказала подруга. «Давай, мам, добавь-ка ей еще немного!» – сказал Джек. «Все нормально, мы перекусили по дороге домой!» Моя тарелка наполнилась до краев. Делать нечего – пришлось есть. И чудо – отвратительный на вид лук оказался довольно вкусным, сыр придавал супу пикантность, а зелень уверенность мне. Желудок благодарно заурчал, и беседа за столом перешла в другое русло.

Помогая убирать со стола, я обнаружила кучки лука у тарелок ребят. «Ненавижу лук!» – понизив голос сказал Фрэнк, – «но Джен так старалась! Это ее единственный суп».

«Ну, парни,» – сказала я своим сыновьям, разливая суп по тарелкам, – «Это новый суп, пробуйте!» И только после того, как съели несколько ложек, добавила: «Французский, луковый...»

Груша Вера...

Дед в саду и огороде «ни черта» не делал, только «посвистывал». Возвратившись вечером после двух-трех операций или приема больных «с мелкой придурью», это тех, кто «по глупости» ломал руку-ногу-шею, Дед выходил в затихший сад. «Переоденься!» – неслось вслед. «Измажешься! Осточертело мне эти рубашки настирывать!» Дед машинально подтягивал резинками белоснежные рукава и, насвистывая, брался за шланг. К шлангу была примотана старая сетка от душа и теплая вода, казалось, ласкала уставшие, поникшие от зноя растения. «Тоже мне, пан выискался!» – пофыркивала на кухне Баба, подавая в раздаточное окошко столовой запотевший графин водки, маринованные грибки, разваристую картошку. Ужинали всегда своим кругом, по-простому, отсылая работницу домой. К обычному ужину не переодевались, и от этого было необычайно уютно и покойно. «Нет, ну где он ходит! Все стынет!» – шкворчала Баба, забирая с веранды миску моченых яблок, последних в этом году. А Дед стоял в облаке водяной пыли, отливающей вишневым сиропом в лучах закатного солнца, и тихонько посвистывал. Вечерний «душ» творил чудеса. Цветы начинали прихорашиваться, а травы и овощи одуряюще пахнуть, лицо Деда постепенно смягчалось. И только одна груша грустила посреди сада. Уж как бы не расцветала она по весне, удивляя всех крупным душистым цветом, плоды у нее все выходили хиленькие, кислые и недолговечные. Каждую осень, устав выгребать «зряшную падалку», Баба требовала от Деда избавиться ее сад от никудышной постолялицы. Деду все было некогда. Тем временем сад укутывался снегом и засыпал, а по весне груша так завораживала всех своим долгим чарующим цветением, что о намерении избавиться от нее и вовсе забывалось. Однажды Дед сделал надрез на смуглой ветке и привил груше серый сучок. Замотал все серой тряпочкой и обмазал варом. «Выведу новый сорт!» – мечтательно сказал он, – «И назову его «Вера». «Ух ты! Груша Вера!» – сказал Сережка. «Только это секрет! Смотри не скажи Бабе!» – попросил Дед. Весной на ветке как всегда было много цветов и россыпь мелких завязей. Но к середине лета мы увидели, что один плод просто гигант по сравнению с другими. Теперь поливку сада Дед начинал с грушевого дерева. Уже и Баба нет-нет да обмолвится в разговоре со знакомыми о чудо прививке и гигантском плоде. К августу городок гудел, надо же, честь жены пан доктор новый сорт вывел. По соседству с огромной красавицей обобрали лишние листики и сорвали мелкие плоды, чтобы лучше грелась на солнышке и наливалась. В отпуск приехали наши родители, потом потянулась череда летних гостей. И по какому-бы поводу не собирались гости – разговор сводился к «груше Вере». Баба в то лето и сама расцвела как груша, наряжалась в легкие крепдешиновые платья и красила губы сердечком. Ей было почти пятьдесят и Дед подарил ей очки в золотой оправе. Папа делал снимки всех желающих на фоне грушевого дерева. Дядя Вася, Сережкин отец, высчитывал время созревания плода, потому что надвигалась у него очередная командировка. Одним словом кусочек груши хотел отведать каждый. И этот день настал. В самом начале сентября, перед тем как разъехаться в разные стороны и страны вся семья собралась вместе. Стол накрыли в саду, под грушей, чтобы было как можно символичней. Кроме близких за столом оказалось еще человек шесть нечаянно зашедших «на огонек». Грушу приготовились запивать крушоном. Мама вынесла фруктовый торт, желе и маленькие серебряные вилочки для фруктов. Дед сказал тост и чмокнул Бабу в щеку. Баба взмахнула широкими рукавами и сняла грушу с ветки. «Она ее даже не помыла!» – потрясенно прошептал Сережка, которого просто «убивали» за невытые яблоки. Золотисто-зеленую красавицу поставили «на попа» и отрезали тонкий ломтик. Необычайно терпкий запах поплыл над столом. «Ах, прямо конфета-дюшес!» – сказала младшая тетка. Баба торжественно положила кусочек в рот, почмокала губами и сказала: «Просто наслаждение! Но вымыть-то мы забыли!» и унесла грушу в дом. «Минуточкуу!» – донеслось уже из открытой двери. Гости разлили крушон по бокалам и стали ждать. Дед, тем временем,

гордый и счастливый, предлагал всем отведать торт и желе. «Не скромничайте, дорогой! Сначала отведаем Вашу грушу, а потом уж и все остальное!» – сказал мой крестный. Конечно, подать грушу баба просто так не могла. Она принесла ее на тонком блюде, нарезанную тонкими пластинками, без кожицы, слегка припорошенную корицей и украшенную взбитыми сливками, оставшимися от торта. Стоит ли говорить, что доставшийся мне кусочек просто растаял во рту. Темнело. На деревьях зажгли фонарики. Взрослые завели разговоры о чудесах природы. Дети доедали торт и смотрели фильмоскоп на белой стене дома. Все разошлись по комнатам за полночь, отказавшись от вечернего кефира. Гостей, по традиции, оставили ночевать. Долго еще слышались разговоры из открытых дверей комнат. Никому не спалось.

Спустя годы Дед часто вспоминал этот вечер и досадовал на то, что груша так больше не дала ни одного плода и просто засохла на следующий год. Несколько лет назад я купила Бабе чудесные груши. Яблоку она терпеть не может. Она приготовила грушевый десерт к обеду, как когда-то в тот вечер. Со сливками и корицей. И мы заговорили о груше Вере. «Да не было никакой груши!» – сказала вдруг Баба. «Но как же... Я же сама ела! Ты что, не помнишь!» Баба досадливо отмахнулась от меня: «Да что он там мог привить! Мичурин! Вырос такой же кислый дичок, только огромный! Хорошо, что хоть еще груши дома были, а то позора было не обернуться с этим экспериментом! Груша Вера! Вот и назвал бы в честь себя!»

Вчера мой муж привез саженцы, один из них, грушу, он решил посадить в честь дня рождения. «Ну и как мы ее назовем?» – спросила я. «А у нее уже есть название!» – показал он на прикрепленную к стволу бирку. «Может, назовем ее «груша Вера»?» – спросила я. И мы оба рассмеялись.

День поминовения усопших...

Накануне отец Себастьян долго внушал некоторым прихожанам, в чем разница между Днем всех святых и Днем поминовения усопших. Усвоили основное – надо принести список тех, кого поминать будем. Служба шла особенно душевно, каждый видимо проникся своими воспоминаниями. Пришло время зажечь свечи и назвать имена. Я заглянула в приготовленный список и спрятала его в сумочку. Зачем список для тех, кого и так помнишь. Пока стояла в ожидании – вдруг вспомнился буйный сосед, с которым воевала лет десять подряд, едва знакомая бабулька из деревни, один из бывших и целый рой забытых лиц вдруг окружил меня. Передо мной протиснулись уже прихожане из задних рядов, а я все не могла собрать в единое всех, кого бы помянуть. Совсем некстати нахлынули воспоминания о тех, кто был не так уж близок или знаком только по рассказам. И вот я у алтаря, дрожащим голосом перечисляю всех, обкапываюсь воском, давлюсь слезами. Звучит скорбный псалом. И я думаю о своем эгоизме, о том, как мало вспоминаю об ушедших и слышу шепот. Это одна прихожанка подсказывает мужу: « Про Санковских скажи, про Санковских... я забыла, а ты скажи!!!» – «Твоя ж родня, вот и говорила бы! Не все ж умерли!» – « Скажи! И про Ивановых, про всю семью! И про всех соседей по даче!!! И про знакомых!» И я уже давлюсь от смеха, представляя, как одним махом добрая душа «усыпила» и ненавистных Ивановых, всю семью, и всех соседей по даче. Еще мгновение и хохочет весь приход во главе со священником. Жизнь продолжается...

День рождения...

Случилось так, что на свой день рождения я попала к нашей Бабе. Заранее о приезде сообщить не стала, просто сказала, что к дню рождения буду и приехала. Не те у нее года, чтобы делать сюрпризы. Приехала ранним поездом, чтобы успеть к завтраку. Покупая билеты заранее, сращивая рейсы самолета, поезда и автобуса так, чтобы успеть к определенному часу повергла в полное изумление кассиршу своим непременно точным часом прибытия в место назначения. Успела. Позвонила в дверь. После звонка минуты три слушала препирательства в прихожей – кому открывать дверь. Потом скрип половиц, походка «шлеп-нога» и звонок телефона на тумбочке в прихожей. Пауза. Ворчание: " Звонют тут все сразу..." В телефон: А? Да? Чего это я не расслышала?! Все я прекрасно слышу! И что вы говорите? И что это будет за полкило? Ну ладно, обойдусь, нечего мне было звонить с такими ценами! Вы же знаете, что ко мне пришли!!! Хрясь. Тяжелая черная эбонитовая трубка уже на месте. В детстве мы всем хвастались, что наш телефон всегда показывают в фильмах про войну. Распахивается дверь:

«Ааа... явилась!» Неизменная фраза во все времена. «Ноги вытирай!» На заднем плане маячит консьержка подкатывающая глаза к потолку от смеха. «Руки мой! Завтракать будем!»

Все, я дома. Не было года полного проблем, тревог, стрессов, маленьких и больших радостей. Время стоит здесь без перемен, тягучее как прошлогодний мед.

– Ну? Живы? Все? Ну и ладно! Рыбу привезла? А приправу? Могла бы и побольше допереть! При чем тут лишний вес? Я из Цхалтубо в 68-м вино и фрукты ящиками везла!

– А подарки всем привезла? И мне? Что ты такого привезти можешь?! Ну ладно! А кому? Ангелине? Нелли не дари, я с ней поругалась! А Мирре тоже привезла? Вот хорошо, мне отдашь!! Почему? Она же умерла! Почему не сообщили?! Она ж нам не родня! И сын у нее еврей и жадина! Повезло ей... Сын богатый, с образованием, свою похоронную компанию имеет. Деловой. Ни копейки на похороны не потратит!! Интересно, кому же все ее деньги достанутся?! Я представляю лицо покойной уже, дорогой моей Мирры и мысленно ей подмигиваю. Уверена, что и там она подсмеивается на Бабой.

– Ну все, мойте посуду, у меня сериал начинается! – «шлеп-нога» перемещается в гостиную, а мы уже не сдерживаемся от смеха и втихаря наливаем по рюмке вишневой наливки – за встречу...

*****

В свой день рождения я просыпаюсь рано. Я у Бабы. Это как кусочек детства и меня обволакивает счастьем безвременья. Запах сушеных груш и крахмального белья. Скрип полов на кухне. Готовится завтрак. Бабе – 92, но она по прежнему готовит и стирает сама, прачечной брезгует, а консьержка «распуста». На кухне букетик подснежников. Это традиция начинать новый год жизни с подснежников. Здесь это помнят. Кто-то передал их, зная о моем приезде. Настанет, наверное, день, когда передать этот букетик будет некому. Но пока вот он, трепетно-белоснежный. Шумит на газу чайник. Умиротворение. Время остановилось. Вокруг тени дорогих и уже ушедших. Все со мной в этот день. Что еще нужно в подарок? Только поддержка из прошлого, которая даст толчок в будущее...

*****

С девяти утра звонки и поздравления.

– Иди, небось тебе звонят! Мне уж никто и не позвонит! Поумирали! Поговорить толком не с кем! Вот посмотришь, Ангелина младше меня на пять лет, а морщины у нее – просто ужас!

*****

– Это сколько уже тебе сегодня? Ужас какой! Ты знаешь, твоя мать в этом возрасте уже умерла! Мда... Пора тебе уж крем купить для морщин! Мда... Я-то первый раз губы в тридцать лет накрасила!

*****

– А давай пригласим кого-нибудь? Кого хочешь, все же твой день рождения!!! У меня есть дорогое вино! Только девок этих своих не зови, я их терпеть не могу. И выпьют все. Нелю тоже не зови, я с ней давеча поссорилась... И мужчины мне тут в гостях тоже не нужны – видишь я на кого стала похожа? И без прически!

– А давай позовем тех, кто меня в прошлом году с юбилеем поздравлял. У меня все на стол накрыть есть. Вот еще только рыбки твоей порежем, икру откроем... Дай попробую рыбки-то кусочек... Не испортилась ли... Мда... Вкуснотища... А зачем всех звать? Придется и грибы белые открывать, и сервелат резать... Пригласи всех кого хочешь в ресторан и посуду мыть не нужно... Если хочешь я тебе и денег дам на ресторан... Потом... когда уезжать будешь...

*****

– Ну как погуляли? Что ели? Много выпили? А что подарили? Ерунда какая-то, лишь бы подарить!!! Говорила, надо было стол накрыть дома и дешевле бы вышло!!! Дай-ка крем понюхаю. Терпеть не могу такой запах. Поставь мне на полочку в ванной, мой уже закончился. Кто его подарил тебе? Я так и думала, что Лариска! Распуста она!

Душа моя...

Бывают дни когда душа моя молчит. Мозг бешено работает, варит, глобалит... а она молчит. И тогда все превращается в полную фигню. Я напоминаю себе робота, который идет заданным путем. А душа просто молчит. Она устала? Я зажигаю свечи на божничках и не могу молиться, я читаю письма, думаю о близких и ничего не чувствую. Я думаю о страшных страшностях своих проблем и забот. А она молчит. Я боюсь этого молчания больше судебных приставов и налоговых инспекторов, больше чем «потерять лицо» и «наступить на хвост» своему самолюбию. Может быть это и есть тот самый пример, что тело без души это ничто? Но о таких высоких материях уж лучше и не задумываться, вообще зайдешь в тупик. Нужен толчок, пинок, удар током, чтобы снова все завертелось, закрутилось ожило. И вот звонок, по номеру вижу, что уж лучше не отвечать. Это наша вездесущая Баба. Она чувствует всех нас на расстоянии. Она не такой тонкой душевной организации, но как Чип-и-Дейл спешит с промывкой мозгов. Ей дела нет до наших «тонких» душ. Вот он волшебный пинок – сходу получаю за то, что никто из взрослых внуков и правнуков не поздравил ее с праздником, за плохую работу почты, которая не доставила ее поздравления, и за их президента, который не добавил пенсию, а куры в магазине страшно подорожали. Затем секундная передышка и выговор за дороговизну телефонных звонков, отчет о коварной соседке и бестолковой консьержке, требование о немедленном моем приезде, справка о состоянии здоровья и скорой смерти и бац... слышу и даже вижу, как трубка черного телефона военного образца хлопается на место. И все. Душа завозмушалась, заныла, запела, заскворчала, как яичница на сковородке и сразу стало ясно и понятно, что дом достроится, деньги заработаются, пристава и инспекторы просто заткнутся, а в вазе появятся новые цветы...

Дядя Женя – паук

Мне сообщили, что умер Валькин отец. И я не поняла, кто же это. Валька – моя кузина. Но ее отец??? И тут мне стало стыдно, аж жаром обдало. Да это же наш дядя Женя-паук. Как личность для всей родни он умер давно. В тот день, когда вывел Деда нашего из себя так, что тот кричал свое самое страшное ругательство «Стыд-и-срам! Стыд-и-срам!» и запретил даже являться ему на глаза. Он так и прожил свою жизнь под именем Женька. А мы, дети, называли его за глаза пауком. Для Вальки он был лучшим отцом в мире, потому что возвращаясь из дальних рейсов, в подпитии, постоянно совал ей в карман мятые трехрублевки. Потому что засыпал за занавеской и совершенно не мешал нашему веселью в крошечной однокомнатной квартирке с вечно распахнутыми окнами. Был такой в квартире уголок на тот случай, когда он становился бесполезной «вещью» и впадал в «летаргию». Он был маленького роста, тщедушный, с длинными руками. Большая голова крепилась сразу к маленькому телу, а не долеченный с детства рахит лишал возможности застегнуться сразу на все пуговицы. Одним словом — паук. Плоское, как блин, землистое лицо украшал бесформенный ярко красный нос. И мы знали, что именно так и выглядят пьяницы, потому что он был похож сразу на всех персонажей «Фитиля» и «Крокодила». В детстве моего двоюродного брата пугали тем, что если будет плохо учиться, то станет «шбóфером», как дядя Женя. Наша Баба по сей день твердо убеждена в том, что если «шбóфер», то дурак. И с подозрением относится к тому, что я вожу машину. Но дядя Женя пил не всегда. У него был звездный час, когда он работал дальнобойщиком от «Совтрансавто» и выезжал за рубеж. Но потом напился раз-другой и его выгнали. Тогда наш всемогущий Дед устроил его на междугородние рейсы и он важно катил на сверкающем «Икарусе» по маршрутам «Рига-Брест» и «Брест-Киев», и даже был такой чудесный рейс, как «Брест-Москва». Вывешиваясь из окна своей квартирки на первом этаже Валька вздохнула рассказывала нам о том, как папа возьмет ее с собой в такое путешествие и мы все видели почти что наяву въезжающий на Красную площадь сверкающий «Икарус» дяди Жени-паука. Он привозил из всех поездок необычные вещи – первый цветной телевизор, первые кружевные колготы, первые польские тени изумрудного цвета. Все завидовали Вальке. Ее отец привозил ей все, что только захочешь. И вот однажды все рухнуло. Дядя Женя отправился в рейс с перепоя. Отъехав 20 км от города, он остановил свой автобус и вышел. Через десять минут на улицу потянулись и пассажиры, покурить, подышать. Через тридцать стали спрашивать друг друга, куда же поехал водитель. Через сорок – опаздывающий на самолет в Минске пассажир пошел на поиски водителя. Дядя Женя мирно спал в кустах, и разбудить его было невозможно. Ну, об этом знали все ребята с Валькиного двора. Сколько шумовых и других экспериментов было поставлено над дядей Женей во время его «летаргического» сна за занавеской. И тогда все тот же нервный пассажир показал всем свое водительское удостоверение, сел за руль и повез всех желающих дальше. Какое ж счастливое тогда было время!!!! И как сложно, оказывается, живем мы сейчас. За 15 часов пути до Риги их не остановил ни один пост ГАИ. Ни один пассажир не вздрогнул и не закатил скандал. А то! Билет до Риги стоил тогда 5.20 и купить его можно было только по заказу и за неделю! Доехав до аэропорта, нервный пассажир передал руль другому и тот погнал автобус к своему городу. Вот так, сменяя друг друга за рулем, пересекая границы республик, люди добрались до Риги. Сдали деньги, билеты, личные вещи водителя на автовокзале и разошлись по домам. Дядю Женю искала вся милиция, потому что жизнь была без сотовых телефонов, а то, что им прокричали в трубку межгорода из АТП Риги, смахивало на страшный детектив с трупами и угоном. Но найти дядю Женю не значило разбудить. После запоев он мог проспать несколько суток. И участковый просидел еще несколько часов рядом с ним, дожидаясь прояснения разума. Сообщили Деду и начался «стыд —и-срам». Потом Дед сменил гнев на милость и, поразмыслив, решил позаботиться о нем еще раз. И новая работа дяди

Жени-паука тоже была чудесной. Он возил фрукты и овощи на консервный завод. У Вальки в доме ящиками стояли банки с грибной солянкой и малиновым джемом, лотки свежей клубники сменялись корзинами с вишней. Осенью в маленькой прихожей громоздились кочаны капусты и мешки с яблоками. И все это варилось, солилось, сушилось, мариновалось и просто раздавалось, съедалось, выбрасывалось....

Валька выросла и чем-то стала напоминать отца рахитичной, слабенькой грудью и отсутствием шеи. Но никак не отсутствием воли. Дом стал полной чашей, квартира – четырехкомнатной, связи и, как следствие, возможности фантастическими. В новой огромной Валькиной квартире у дяди Жени была своя комната. Там он по прежнему впадал в «летаргию» после запоя раскинув руки-ноги на кровати, вверх паучьим брюшком, сопя карикатурным носом. У Вальки появилась семья, ребенок, новые заботы. Времена легкие сменяли времена тяжелые и наоборот. Во время моих редких приездов я иногда натыкалась в зале или кухне на серый комок чего-то отдаленно напоминающего человека с неизменным красным носом и каждый раз вздрагивала от неожиданности услышав знакомый голос: « Ну что, приехала! Как жизнь? » Валька стыдилась своего отца и тут же выталкивала его в другую комнату, как когда-то за занавеску. Потом мы и вовсе перестали его видеть и постепенно все забыли о нем. А он, оказывается, еще долго болел и уже не пил, баловал внучку и отдавал всю пенсию в семью. Дочка приглашала к нему хороших врачей и покупала лучшие лекарства. Досматривала как маленького ребенка и закатали шикарные похороны. И первый раз назвала его папой, когда ему это было уже безразлично.

Наш дядя Женя —паук...

Завтрак на траве...

Прощание с летом наступает 19 сентября. У мамы день рождения и она устраивает «завтрак на траве». Все блюда осенне-овощные, мясо приготовлено по летнему просто, а главный десерт неизменно гигантский арбуз. После дня рождения уже не будет никаких праздников до самого Рождества, и мы наслаждаемся последним теплым и безмятежным днем. Хор цикад обрушивается на нас, как только разговор смолкает, паутинки неспешно плывут по небу и оседают в прядях волос, солнце все еще жарит, но из тени деревьев тянет грустью осенней прохлады. Разговоры лениво перекачиваются с темы на тему, как и тяжелые волны у подножья нашей скалы. Нет привычных бравурных тостов, приторных шуток по поводу возраста именинницы. Всем хорошо и покойно. С хрустом взрезается арбуз, сопровождаемый подробным рассказом о весе и стоимости. Как обычно это восклицания о малой цене и неправдоподобно гигантском весе. И то, и другое заметно преувеличено под воздействием вина. Солнце начинает садиться и все медленно переходят в дом, к ликерам и фруктовому желе. Заводят радиолу, кое-кто начинает кружиться в танце, ветер доносит запах ночной фиалки с балкона, мамино новое платье производит фурор. В мягком свете заходящего солнца все лица мгновенно избавляются от морщинок и дневных забот. Вечер тянется необычно долго, расхотеться никому не хочется. Играем в фанты, рассматриваем фотографии, сменяем друг друга за клавишами пианино. Распакованные подарки ворохом лежат на столике. Любимые хризантемы заполнили все вазы. Жизнь кажется чудесной и безоблачной. Отчим превзошел себя, организовав этот праздник. Засыпая поздно вечером ловлю себя на мысли, что сорок лет это еще совсем не старость, и я непременно буду так же весела и молода в свой сорокалетний юбилей. Больше присутствовать на «завтраках» мне не пришлось. Жизнь умело разбросала нас всех в разные стороны, оставив только неизменно солнечное воспоминание об этом дне. На днях машинально выбрала в супермаркете арбуз побольше, заботливо потянула его за поросычий хвостик, щелкнула по полосатому боку и немного подержав его в руках отнесла обратно на полку. Выбрала самый маленький. Некому есть, некому оценить величину и сладость. Вазы дома полны хризантем. Солнце по прежнему ласкает мармеладно-тягучие волны. К накрытому в саду столу тянутся беспечные музыкантики. К ободку бокала липнет паутинка. Сестра сидит напротив. Она совсем ничего не помнит и не ест арбуз. «И почему «завтрак на траве»?» – фыркает она и тычет пальцем в панельку телефона. Нам обеим гораздо больше сорока и утреннее солнце беспощадно к нашим морщинкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.